

***

Знаю, так будет: день отлит из золота
И на коленях – твоя голова,
Стали руины городом,
На свалках растёт трава.

Вижу рождение твоей улыбки
Там, где асфальт стёрт до земли,
Там, где закат как на открытке
И ничего не болит.

***

Голуби кофейные с пеной на хвостах,
Кролики гранитные скалятся на всех.
Ты ли не знаешь, как пахнет страх?
Знаешь, каков он на вкус и цвет.

И карантин тут ни при чём.
Выпей пустыря и ложись.
Страшно уснуть рядом с птенцом.
Что напугает сильнее, чем жизнь?

***

– Ты там, где тебе быть положено,
Где много шума и блеска,
А я давно всеми брошена
И никому не известна.

Ты там, где люди встречаются,
Чтобы подняться выше,
Ну, здравствуй, моё отчаянье,
Моё «ничего не вышло».

–Ты там, где время умерло
И никогда не воскреснет,
А я – дитя сумерек,
Я не гожусь для песен!

Ты там, где детство светится,
Там, где юность смеётся,
А я взбираюсь по лестницам,
Что мне ещё остаётся?

***

Кто говорит,
что деньги не пахнут?
Пахнут.
Маминым кошельком
они пахли в детстве.
Были купюры прокурены
напрочь – папой...
Будто бы с неба
к нам падали лёгкие деньги.
Папа их приносил
в день полочки – пачкой.
Нам говорил:
– Купите хоть всю планету!
Во исполнение
глупостей и чудачеств:
«Папка – буржуй!» –
Мы их брали, не зная меры.
Редко теперь их поддержишь
вот так вот – пачкой.
Разве на Новый год –
разыграть – принесёт затейник.
«Лёгкие» деньги
по-прежнему пахнут папой:
Куревом горьким
и адским трудом в литейном.

***

Старухи смотрят, смотрят старики,
Как воробьи дерутся из-за корок.
И кажется, что кто-то огоньки
Зажёг в зрачках их – чёрных коридорах,
Когда с чугунных падает оград,
Из облаков – их прокололи ветки –
Шумливый птичий дождь как из ведра.
И крыльев тень ложится им на веки.
И к воробьишке тянется рука
Старушки, что в фуфайке даже летом,
Чтоб накормить от пуза дурачка.
Пускай поймёт он: жизни суть не в этом.

Анна МАРТЫШИНА

***

Шелуха золотая, горячая кожа дубов
Расползлась и рассыпалась –
в радужку капнул свет.
До бессильного нежного – выяснил синеву.

Из кострища осеннего – дымные гроздья птиц
На ладонях царапают южные письма,
Между нашими взглядами – длинные песни вьют.

И слова зажигаются, воздух не теребя.
Он холодный и бережный – тонко очертит вздох,
Наш ли? Птичий ли? Или проснулся лес?

Засыпай, засыпай, мой ласковый, до небес,
Мы – не громче травинки – наполнимся и уйдём.
Ни малейшей пылинкой мысли не насорим.
Ни единого лишнего звука не унесём.

***

Новая, как рассвет, точная, как продавец,
Завтра придёт война – пересчитать овец.
Вытянешься в ответ, в теле своём чужом –
Будто бы в животе чешут тупым ножом.
Будто из живота тянут иголки слёз.

Мудрая, как отец, долгая, как допрос...
Из цветника мясник вырежет жилы роз,
Землю распотрошит острым большим ножом.
Спрячешься от него – в теле своём чужом,
В тёплый тугой комок мысли переплетёшь.
Каждым сухим ребром станешь как этот нож.
Старая, как война, сбита до подошв.

Сколько в тебе любви? Вырви, заговори,
Страх умиротвори, дух олицетвори.
Вместо прямой борьбы нам остаются рвы.
Завтра придет война – бомбы её мертвы.

Вера ДОРОШИНА

***

Неторопливо проходим лесом,
глухим туманом, седыми мхами,
штрих-коды считывая со срезов
древесных в дышащем ветром храме,

в котором нас разберут на части,
смешают с птичьими голосами.
Холодный бег муравьиных лапок
сорвёт печати и станет нами.

Отбросив время, считай, что бродим
в своём волшебном и страшном теле.
Срывай рябины тугие гроздья –
меня, себя ли – на самом деле.

На самом деле, на запредельном,
не мы проходим лесною чащей –
берёзы, липы, дубы да ели
проходят нами в тоске звенящей.

Кальций

Прийти на работу первым,
ломаю безликий ландшафт офиса,
грезящего своими лангольерами.
В мёртвом экранном свете
всполохами – белое, чистое.
В формат А4 втиснуты будни.
И со стен осыпается кальций,
изнутри, снаружи,
с металлическим шелестом.
Сухая костная мука
перемолотых в прах богов.
За окном скелет города
размягчается, теряет контуры,
мосты висят без опор,
по колено увязшие во вчерашнем.
И не гадай мне на этой гуще –
я знаю и так –
после нас остаётся кальций,
окаменевшее обызвествлённое сердце,
одно на всех,
меловые отложения,
промытые морем,
скинутые панцири, глухая броня –
новые прибежища для новых простейших.

***

В поперечном разрезе время –
именинный слоёный пирог,
начинённый памятью, вязкой тенью
всего того, что удержать не смог –
здесь коллекции старых марок, значков,
пластинок,
сухие кленовые листья между страниц,
в километрах мерцающей паутины
бьются крылышки полуистлевших лиц,
а на поверхности – циферки, имя, пламя
и – под разрезающий воздух звенящий смех –
ветер загадываемых желаний:
Счастья.
Даром.
Для всех.